

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Ч-42

Diane Chamberlain
THE SILENT SISTER

Copyright © Diane Chamberlain, 2014
This edition published by arrangement with Writers House
LLC and Synopsis Literary Agency.

Перевод с английского *Д. Халиковой*
Художественное оформление *Д. Сазонова*

Чемберлен, Диана.

Ч-42   Забытая сестра, или Письмо на чужое имя : [роман] / Диана Чемберлен ; [пер. с англ. Д. Р. Халиковой]. – Москва : Издательство «Э», 2017. – 512 с. – (Роман-потрясение. Д. Чемберлен).

ISBN 978-5-699-96722-3

Райли Макферсон всегда думала, что ее старшая сестра Лиза покончила жизнь самоубийством, когда ей самой было два года. Однако по прошествии двадцати лет открылись неожиданные подробности: найдя в доме отца газеты с ужасными заголовками, Райли приходит к выводу, что Лиза, возможно, жива, но она... убийца?

Стремясь во что бы то ни стало узнать правду, Райли начала расследование. Она надеется на поддержку горожан, которые знали и любили Лизу. Но к чему приведут поиски? И даже если Лиза жива, хочет ли она, чтобы ее тайну раскрыли?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Халикова Д., перевод
на русский язык, 2017
© Издание на русском
языке, оформление.

ISBN 978-5-699-96722-3

ООО «Издательство «Э», 2017

Пролог

Январь 1990

Александрия, штат Виргиния

На лесной тропе, бегущей вдоль реки Потомак, целый день останавливались люди. Укутанные в парки, замотанные в шерстяные шарфы, они, словно желая согреться, теснее прижимались друг к другу и, крепче стискивая кто ладошки детей в теплых варежках, кто поводки собак, всматривались в цветное пятно в сером зимнем пейзаже: посередине реки, окруженный льдом, желтел каяк. Прошлой ночью вода была беспокойной — поднимаясь вверх завитками, она боролась со снежным ветром, а когда температура упала и волны застыли, в нескольких метрах от берега, словно в западне, остался этот каяк.

Зеваки увидели его в утренних новостях, но все же им было необходимо удостовериться лично. Он знаменовал собой конец истории, не один месяц удерживавшей их в тисках любопытства. Тогда они с нетерпением ждали суда, теперь же все понимали, что суд никогда не состоится, потому что семнадцатилетняя девушка, семнадцатилетняя — как многие были уверены — убийца упокоилась под твердым покровом льда.

— Легкий же она выбрала себе путь, — говорили одни.

— Но все же умереть вот так — ужасно, — возражали другие.

Они смотрели на каменистый берег реки и думали, что, возможно, девушка положила в карманы по камню потяжелее, чтоб быстрее утонуть. Им было интересно, плакала ли она, пока гребла на каяке по воде, ведь она не могла не осознавать, что конец ее близок. В телевизоре она плакала, это все видели. Актриса, бубнил кто-то, спускаясь вниз по тропинке, — стоять на месте было слишком холодно.

Но одна женщина оставалась на краю тропы несколько часов. Зябко кутаясь в куртку и пряча руки в карманах, она всматривалась в желтое пятно на фоне серого неба и слушала оглушающий шум лопастей над головой. Журналисты с вертолета делали все новые снимки, а столпившиеся на берегу полицейские указывали то в одном, то в другом направлении. «Как же они достанут каяк изо льда, — размышляла она, — и как будут искать под ним тело?»

Женщина опять взглянула на полицейских. Те стояли, положив руки на бедра, словно готовые сдать. Дело было закрыто. «Пусть бы сдались, — думала она и, плотнее запахивая куртку, с удовлетворением наблюдала, как полицейские, утратив кураж,жимают плечами. — Пусть достанут каяк изо льда и на том успокоятся».

Закованный в лед желтый каяк еще ничего не доказывает. И они дураки, если полагают иначе.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Райли

Июнь 2013

Никогда не думала, что к двадцати пяти годам потеряю почти всех своих родных.

Пока я парковалась у маленького неприметного почтового отделения в Поллоксвилле, в душе вновь ожило чувство горечи. Трехчасовая поездка от моей квартиры в Дархеме, казалось, заняла шесть часов: все это время я обдумывала дела, за которые собиралась взяться, как только окажусь в Нью-Берне, а потом в голову снова вернулись мысли об одиночестве. Но я не собиралась предаваться грусти.

Первое, что мне предстояло сделать, — это остановиться у почтового отделения, расположенного за десять миль от Нью-Берна. Теперь я с полным правом могла вычеркнуть этот пункт из своего списка.

Порывшись в сумочке, я достала белую открытку и вошла в здание, в котором, как оказалось, была единственным посетителем. Мои шаги гулко отдавались в пустом помещении. Я подошла к стойке. Работница почты, темнокожая, с аккуратными афроко-

сичками, напомнила мне мою подругу Шериз и этим сразу понравилась.

— Чем могу помочь? — спросила девушка.

Я протянула ей открытку.

— Меня привела в замешательство вот эта открытка, — стала я объяснять. — Дело в том, что месяц назад у меня умер отец, а до этого его почтовая корреспонденция приходила на мой адрес в Дархеме. Но тут я получила эту открытку и...

— Мы присылаем их, когда кто-то не оплатил счет за свой почтовый ящик, — пояснила девушка, взглянув на открытку. — Это предупреждение. Если не оплатить счет в течение двух месяцев, мы закроем ящик и сменим замок.

— Да, понимаю, но посмотрите. — Я перевернула открытку. — Здесь указано чужое имя. Я не знаю, кто такой Фред Маркус. Отца звали Фрэнк Макферсон, так что, по всей видимости, карточка пришла по ошибке. Я вообще сомневаюсь, что у отца был почтовый ящик. Тем более в Поллоквилле, в то время как он живет... то есть жил... в Нью-Берне.

И когда я только привыкну говорить об отце в прошедшем времени?

— Давайте, я проверю. — Работница ушла и вернулась через несколько секунд с тонким фиолетовым конвертом и белой карточкой для документации. — Это единственное, что обнаружилось в ящике, — сказала она, протягивая мне конверт. — Адресовано Фреду Маркусу. Я проверила наши записи, и там значится, что ящик записан на человека, проживающего вот по этому адресу. — Она показала мне карточку.

Почерк, каким была сделана запись, и в самом деле напоминал почерк отца, но вряд ли он был уникальным. Кроме того, имя-то было чужое.

— Адрес правильный, но, наверное, этот человек просто что-то перепутал, — вздохнула я, положив фиолетовый конверт в сумку.

— Хотите, чтобы я закрыла ящик, или заплатите за него? — поинтересовалась работница.

— Не думаю, что я вправе его закрывать, но и платить за него не буду. Так что... — Я пожала плечами.

— Тогда я его закрою.

— Хорошо. — Я была рада, что девушка приняла за меня решение, и улыбнулась: — Надеюсь, Фред Маркус будет не против, кем бы он ни оказался. — Я повернулась к двери.

— Сожалею о вашем отце, — сказала мне в спину девушка.

— Спасибо, — ответила я, не взглянув на нее, но, когда дошла до машины, глаза уже щипало от слез.

По дороге в Нью-Берн я миновала исторический район, где на улицах, окруженные деревьями, прижавшись друг к другу, теснились старые дома, а среди магазинчиков то тут, то там стояли гигантские раскрашенные медведи, символ города. Передо мной на велосипедах проехали двое полицейских, чем слегка подняли мне настроение. Пусть я и не жила в Нью-Берне с тех пор, как уехала в колледж, он все еще ассоциировался у меня с домом — единственным в своем роде и очень уютным местом.

Я повернула на Крейвен-стрит и въехала на нашу подъездную дорогу. В гараже все еще стояла машина отца — ее верх виднелся в одном из разбитых окон. Пока что я не придумала, что с ней делать — то ли продать, то ли отдать на благотворительность. Стоило добавить этот вопрос к огромному списку вопросов и задать его завтра утром юристу, когда я буду встречаться с ним. Лучше всего было бы отдать ее брату — Дэнни давно пора сменить его древнюю рухлядь, — но что-то мне подсказывало, что он откажется.

Нашему старому дому, построенному в викторианском стиле, с большим крыльцом, украшенным белыми перилами и пилястрами, требовалась покраска. Это был для меня единственный дом, где я когда-то жила. Я обожала его. После того как он будет продан, у меня, пожалуй, и не останется повода приезжать в Нью-Берн. Жаль, я не оценила эти кусты роз, когда в последний раз навещала отца. Он умер внезапно, не болел, ни на что не жаловался. И со дня его смерти я приезжала сюда лишь на два дня — организовать кремацию и сделать еще кое-какие дела, даже не помню какие. Хотел ли папа, чтобы его кремировали? Мы никогда не обсуждали с ним этот вопрос, к тому же я была настолько растеряна, когда он так неожиданно умер, что совершенно не могла принимать никаких решений. Хорошо, что со мной был тогда Брайан, он успокаивал меня и помогал мне. Он сказал, что раз моя мать была кремирована, то, возможно, и отец согласился бы с кремацией для себя. Этот довод показался мне здравым. Надеюсь, мой друг не ошибся.

Сидя в машине на подъездной дороге, я думала: а не слишком ли поспешно рассталась я с Брайаном? Сейчас бы мне пригодилась его поддержка. Папы больше нет, а Шериз до конца лета останется миссионером на Гаити. Так что, да, момент я выбрала хуже некуда. Хотя... разве можно подгадать момент для того, чтобы разорвать отношения, которые длились два года?

Едва я выбралась из машины и посмотрела на дом, как на меня снова со всей тяжестью нахлынуло одиночество. Я планировала задержаться здесь только на две недели — убраться в доме, а потом выставить его на продажу вместе с расположенным неподалеку небольшим трейлерным парком отца. Но, взглянув на окна, со всей ясностью поняла, что здесь требуется довольно серьезный ремонт, а если учесть, что отец не любил избавляться от старых вещей, то сроки на все это я себе установила совершенно невыполнимые. Нет, отец не обрастал барахлом из примитивного нежелания с ним расстаться, но он любил собирать разные интересные вещи. У него было несколько шкафов со старинными зажигалками, коллекционные трубки, старинные музыкальные инструменты, не считая миллиона других вещей. И вот от всего этого мне предстояло избавиться. Брайан говорил, что наш дом больше напоминает старый пыльный музей, а не жилище, — и он был абсолютно прав.

Признав очевидное, я все же постаралась не удариться в панику. В Дархеме меня все равно никто не ждал — лето было в полном моем распоряжении. Поэтому я могла никуда не торопиться и остаться

здесь на столько, на сколько нужно, чтобы подготовить дом к продаже.

Интересно, удастся ли уговорить Дэнни помочь мне?

Я поднялась по широким ступеням на крыльцо, достала ключ и открыла дверь, она издала звук, до боли знакомый, как голос отца. Перед отъездом, в мае, я занавесила окна, и теперь в гостиной и кухне было темно. Я раздвинула шторы, хватив полные легкие пыльного, затхлого воздуха, наполнившего дом за время, пока он стоял взаперти, включила кондиционер и остановилась посреди комнаты, осматриваясь и прикидывая, как буду здесь все вычищать.

Несмотря на то что у отца имелся настоящий кабинет на втором этаже, он использовал в качестве кабинета и нашу просторную гостиную. Ему нравились столы и уютные застекленные шкафчики. Здесь же, в гостиной, стоял красивый старинный стол с раздвижной столешницей. На дальней стене, рядом с кухней, на специально сделанных стеллажах покоилась папина коллекция классической музыки, почти вся на виниловых дисках, а в специальном шкафу, встроенном в стену, стоял проигрыватель. В северной части комнаты, в застекленной витрине, хранилась его коллекция трубок. Из-за них мне всегда казалось, что в гостиной пахнет табаком, хотя папа уверял, что всё это мои фантазии. У стены напротив стоял диван, мой ровесник, и кресло с мягкой обивкой. Все остальное пространство занимало фортепиано, на котором я так и не научилась играть. Мы с Дэнни оба брали уроки, но ни ему, ни мне это было

неинтересно, и родители позволили нам бросить это занятие. Правда, кое-кто говорил: «Они же брат и сестра Лизы, наверняка у них есть талант. Почему вы их не заставите?» Но родители нас все равно не принуждали, и за это я им благодарна.

В столовой меня поразило, насколько опрятнее она выглядела по сравнению со всеми другими домашними помещениями. Отец эту комнату не задействовал, возможно, даже и не входил в нее. Столовая была исключительно маминой вотчиной. В широком антикварном буфете стоял фарфор, вазы и блюда из хрусталя, переходившие в ее семье из поколения в поколение. Всеми этими предметами мама очень дорожила, и поэтому мне будет нелегко от них избавляться.

Я провела пальцами по пыльному буфету: куда ни повернись, повсюду в этом доме я натыкалась на воспоминания, от которых мне следовало как-то уберечься.

Поднявшись наверх, чтобы отнести сумку, я ненадолго задержалась в холле, из которого был выход сразу в четыре комнаты. Первой была спальня отца с большой кроватью, накрытой пледом. Вторая принадлежала Дэнни. Несмотря на то что он не спал в ней с тех пор, как в восемнадцать лет ушел из дома — вырвался, по его словам, — для меня она все равно оставалась его комнатой. Третья была моей. Правда, за те годы, что я в ней не жила, она заметно опустела: закончив колледж, я постепенно вывезла из нее практически все свои вещи — все, что так или иначе напоминало о старшей школе и колледже.

Фотографии приятелей, альбомы, диски — теперь вся эта дребедень хранилась в коробке в моей квартире в Дархеме, ожидая часа, когда я решусь ее разобрать.

Я положила дорожную сумку на кровать и прошла в четвертую комнату — кабинет отца. У окна, загромождая весь небольшой стол, стоял его старый компьютер. В застекленных антикварных шкафах, вытянувшихся вдоль одной из стен, хранились зажигалки «Зиппо», две других стены украшали старинные компасы. Дедушка тоже был коллекционером, поэтому многое из его коллекции досталось отцу, а он, в свою очередь, пополнил ее диковинками, найденными на блошиных рынках. Я знала, что раздвижные стеклянные дверцы шкафов заперты, но надеялась отыскать ключи, где бы отец их ни хранил.

К четвертой стене были прислонены пять скрипок в древних чехлах. Отец сам не играл, но, сколько я себя помню, всегда собирал струнные инструменты. На одном из чехлов, на ручке, был прикреплен ярлык. Я давно его не разглядывала, но и так помнила, что с одной стороны на нем нарисована скрипка, а с другой, вместе с нашим старым адресом в Александрии, написано имя «Лиза Макферсон». Лиза никогда не жила в этом доме.

Мама умерла вскоре после того, как я окончила старшую школу, и хотя я до сих пор не переставала по ней скучать, я привыкла к тому, что ее нет. А вот без папы находиться в доме было странно. Пока я переодевалась у себя в гардеробной, я все ждала, что он войдет в комнату, — нелегко было примириться с мыслью, что этого не произойдет. Я скучала по на-

шим еженедельным телефонным разговорам; к тому же я всегда могла до него доехать за два часа. С ним было так легко говорить! Я постоянно ощущала его безграничную любовь. Ужасно сознавать теперь, что в мире не осталось никого, кто любил бы меня так же сильно.

Отец был очень неразговорчивым человеком. Возможно даже, одним из самых неразговорчивых людей на планете. Он скорее расспрашивал, чем говорил. Его интересовали мельчайшие подробности моей жизни, но о себе он говорил очень скупно. Я психолог, работаю в средней школе и привыкла задавать вопросы, поэтому мне всегда было приятно, что есть хоть кто-то, кто для разнообразия расспрашивает и меня. Отец был одиночкой. Он и умер в одиночестве — от сердечного приступа на полу в «Фуд лайон». И это беспокоило меня больше всего.

Брайан говорил, что мне, возможно, стоило заказать для отца заупокойную службу, но, если честно, я не знала, кого на нее пригласить. Если у него и были друзья, то я с ними незнакома. В отличие от большинства жителей Нью-Берна, он не состоял в членстве ни в одной из церквей или общественных организаций. И я была уверена, что и брат не придет к нему на службу — его отношения с отцом довольно сильно отличались от моих. Когда, узнав о смерти папы, я приехала в Нью-Берн, я не смогла найти Дэнни. Его друг, Гарри Вашингтон, работающий в полиции, сказал мне, что ходил к его трейлеру, собираясь сообщить об отце, но Дэнни там не оказалось. Машина оставалась припаркованной